

Эрик-Эмманюэль Шмитт

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ПИЛАТА

Любовь, страдание и величайшая загадка...

Возможно, это лучшая книга Шмитта.

Жан-Франсуа Фурнель (Le Pelegrin Magasin)

Азбука-бестселлер

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Евангелие от Пилата

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Шмитт Э.

Евангелие от Пилата / Э. Шмитт — «Азбука-Аттикус»,
2000 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-12502-5

Эрик-Эмманюэль Шмитт – мировая знаменитость, пожалуй, самый читаемый и играемый на сцене французский автор. Это блестящий и вместе с тем глубокий писатель, которого волнуют фундаментальные вопросы морали и смысла жизни, темы смерти, религии. Вниманию читателя предлагается его роман «Евангелие от Пилата» в варианте, существенно переработанном автором. «Через несколько часов они придут за мной. Они уже готовятся... Плотник ласково поглаживает крест, на котором завтра мне суждено пролить кровь. Они думают захватить меня врасплох... а я их жду». Три дня спустя, пасхальным утром, Понтий Пилат начинает самое странное расследование в истории человечества. Он пытается установить, куда делось тело распятого Иешуа, ибо поверить, что труп бесследно исчез и люди видели покойного живым, невозможно.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-12502-5

© Шмитт Э., 2000
© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Евангелие от Пилата

© А. Григорьев, перевод, 2016

© И. Глазунов, иллюстрация на обложке, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моему отцу

Пролог

Исповедь приговоренного к смерти в вечер ареста

Через несколько часов они придут за мной.

Они уже готовятся.

Солдаты чистят оружие. Гонцы разбежались по темным улицам, чтобы созвать членов суда. Плотник ласково поглаживает крест. На нем мне завтра суждено погибнуть. Иерусалим полнится слухами, люди знают, что меня вот-вот арестуют.

Они думают захватить меня врасплох... А я их жду. Они ищут обвиняемого, а встретят сообщника.

Боже, не обуздывай их гнева! Лиши их всякого рассуждения! Пусть будут они безжалостны в своей расправе! Пусть не придется мне разжигать их ненависть. Пусть искусные убийцы быстро свершат свою работу.

Как все это случилось?

Ведь я мог бы этим вечером пировать в Иерусалиме на каком-нибудь тесном постоялом дворе в окружении паломников моей страны, как любой еврей на Пасху. А в воскресенье отправился бы в Назарет, умиротворенный тихой радостью исполненного долга. В доме, которого у меня нет, меня, быть может, ждала бы жена, которой тоже у меня нет, а из-за двери выглядывали бы дети, радостным смехом встречающие отца. Но судьба завела меня в сад, где я в страхе ожидаю смерти.

Как все началось? И есть ли начало у судьбы?

Детство мое было подобно сказке. Каждый вечер я летал над назаретскими холмами и долинами. Когда все засыпали, я бесшумно выходил из дома, широко разводил руки, разбежался, и тело мое взмывало ввысь. Я хорошо помню, как опирался локтями о воздух, воздух более вязкий и плотный, чем вода, воздух, пропитанный влажным ароматом жасмина, воздух, послушный моим желаниям, казавшийся недвижимым. Часто из лени я подтаскивал свою подстилку к порогу и на ней поднимался над серыми просторами. Волоокие ослы задирали головы и следили за полетом моего корабля среди звезд.

А потом была игра в лазанье наперегонки. И игра эта прервала мои небесные прогулки.

После занятий нам хотелось побегать. Нас было четверо неразлучных друзей: Мойша, Рам, Кесед и я. В карьере Гзет мы затеяли игру, кто заберется выше... Я горел невероятным желанием победить и принялся карабкаться на высокую отвесную скалу, цепляясь пальцами за шероховатости камня. Дух у меня занялся, я лез все выше и выше и вдруг очутился на ровной площадке вершины в тридцати локтях от земли. Мои оставшиеся внизу друзья выглядели карликами: копны волос на ножках. Они потеряли меня из виду. И никто из них не подумал поднять глаза к небу.

Я был недостижим для них и перестал участвовать в игре. Прошло несколько минут, и я громко крикнул, чтобы привлечь их внимание. Они запрокинули головы, заметили меня и захлопали в ладоши.

– Молодец, Иисус! Здорово!

Они и не предполагали, что я могу забраться так высоко. Я был счастлив. И наслаждался победой.

Потом Кесед крикнул:

– Ну, слезай! Пошли с нами! Вчетвером играть веселей!

Я вскочил на ноги, чтобы спуститься, и тут меня охватил страх. Я не знал, как это сделать... Я присел на корточки и ощупал скалу, по склону которой лез: камень был гладким. Я обливался потом. Как быть?

И вдруг решение пришло само собой: лететь! Надо только взлететь. Как ночью.

Я подошел к краю скалы, раскинул руки в стороны... Воздух был иным, не таким, как в воспоминаниях... Я не чувствовал, что он поддерживает меня; только плечи, одни плечи с трудом удерживали вес разведенных рук... Я словно налился свинцом. Обычно мне стоило лишь чуть-чуть приподнять пятки, чтобы взлететь, но сейчас пятки взбунтовались и не желали отрываться от земли... Я чувствовал, что упаду, если приподниму их. Почему я вдруг стал таким тяжелым?

Сомнение охватило меня и придавило к земле. А летал ли я вообще? Быть может, полеты были грезой, простым сновидением? В глазах у меня потемнело. Я потерял сознание.

Я очнулся на спине своего отца, Иосифа, которого вызвал Мойша. Отец спускался по едва заметным выступам на скале.

Сойдя на землю, он поцеловал меня. Таков был мой отец: любой другой отругал бы, а он поцеловал.

– По крайней мере, сегодня ты кое-что постиг.

Я улыбнулся ему. Хотя тогда не понял, что именно я постиг.

Теперь знаю: в тот миг я расстался с детством. Я отделил нити сновидений от нитей реальности, я открыл, что по одну сторону есть сон, в котором я летаю проворнее хищной птицы, а по другую сторону лежит настоящий мир, твердый, как скалы, на которых я едва не разбился.

Я словно заглянул в глаза смерти. Я! Иисус! До этого дня смерть меня не тревожила. Да, я видел трупы животных в кухне и на скотном дворе, ну и что? Это были животные! Иногда люди говорили, что чья-то тетушка или чей-то дядюшка умер, ну и что? Они были стариками! Я же стариком не был и никогда им не буду. Нет, я пришел в этот мир для вечной жизни... Я был бессмертным, я не ощущал в себе смерти... Для смерти я был недосягаем. Но, взобравшись на скалу, я ощутил на затылке ее влажное дыхание. Лишь через несколько месяцев я смог открыто взглянуть на произошедшее. Я не был всесилен и всеведущ. Не был и бессмертен. Одним словом, я не был Богом.

Ибо полагаю, что, как все дети, вначале решил, что являюсь Богом. До семи лет я не сталкивался с противодействием мира. Я ощущал себя царем, всемогущим, всезнающим и нетленным... Считать себя Богом – обычный удел детей, которых никогда не наказывали.

Взросление стало развенчанием лжи. Взросление стало падением. Боль, насилие, отступничество, разочарование стали вехами моего взросления. Мир утратил свою волшебную суть. Ибо что такое человек? Создание немощное... Недальновидное. Неумелое. Недолговечное. Осознание границ существования разбило скорлупу моего детства: прозрение позволило повзрослеть. В семь лет ребенок окончательно перестал быть Богом.

Вечерний сад еще безмолвен и спокоен. Все как всегда, как в любую весеннюю ночь. Цикады трещат о любви. Ученики спят. Страхи бушуют лишь в моей душе и не колеблют тихого воздуха.

Быть может, когорта еще не вышла из Иерусалима? Быть может, Иуда испугался? Иди, Иуда, донеси на меня! Скажи им, что я обманщик, что считаю себя Мессией, что посягаю на их власть. Обвини меня. Подтверди самые худшие их подозрения. Поторопись, Иуда. Пусть они скорее арестуют и казнят меня.

Для них история должна на этом закончиться. А для меня она только начнется.

Но почему?

Как я пришел к своей судьбе?

Мою судьбу всегда определяли другие; они умели прочесть ее письма, для меня самого оставшиеся непостижимыми. Сам я едва различал свое будущее, а другие видели его ясно.

– Чем ты собираешься заниматься, когда вырастешь?

Однажды отец отыскал меня под верстаком среди охряной стружки, где я, нежась в золотом луче, предавался мечтам и пересыпал из ладони в ладонь опилки.

– Чем ты собираешься заниматься, когда вырастешь?

– Не знаю... Буду как ты? Плотником!

– А если тебе стать раввином?

Я недоуменно смотрел на отца. Раввином? Раввин нашей деревни, рабби Исаак, был так стар, так тщедушен, а его дремучая борода казалась старше его самого... Я не мог представить себя таким. К тому же я полагал, что раввинами не становятся; сан присущ с рождения. А я родился с именем Иисус, был Иисусом из Назарета, то есть существом, едва ли предназначенным для храмового служения.

– Подумай хорошенько.

И отец принялся обстругивать доску. Я неспешно обдумывал его слова, удивленный подобным предложением, ведь ни один день в синагоге не обходился для меня без столкновений с учителями. Мойша, Рам и Кесед никогда не требовали объяснений; они слепо принимали на веру все, что им преподавали. А меня прозвали «Иисус, задающий тысячи вопросов». Все вызывало мое недоумение. Почему нельзя работать в субботу? Почему нельзя есть свинину? Почему Бог наказывает, вместо того чтобы прощать? Ответы редко удовлетворяли меня, и тогда учитель прятался за окончательным приговором: «Таков закон». И я снова спрашивал: «А почему закон справедлив? На чем основывается традиция?» Я требовал такого множества разъяснений, что иногда меня лишали слова на целый день. Я всегда хотел докопаться до сути вещей. Меня обуревала слишком сильная жажда знаний.

– Папа, раввин Исаак обо мне хорошего мнения?

– Очень хорошего. Вчера вечером сюда приходил ко мне побеседовать о тебе.

Это меня удивило еще больше. Мне казалось, что, терзая раввина каверзными вопросами, я уязвляю его самолюбие.

– Святой человек считает, что ты обретешь мир лишь на религиозном поприще.

Это замечание поразило меня больше всего. Мир? Я в поисках мира?

Однако слово было сказано. И я вновь словно слышал голос отца: «А если тебе стать раввином?»

Вскоре отец умер. Умер под полуденным солнцем, когда отправился на другой конец деревни, чтобы отнести заказчику сундук. Сердце его остановилось, когда он присел передохнуть на обочине дороги.

Целых три месяца я рыдал не переставая. Мои братья и сестры быстро осушили свои слезы, мать тоже, поскольку она стремилась уберечь нас от печали. А я никак не мог остановиться и оплакивал отца, чье сердце было мягче, чем дерево, с которым он работал, но более всего страдал потому, что не успел сказать ему, как я его люблю. Я почти жалел, что он принял такую легкую и быструю смерть, что не испытал долгой агонии: тогда я мог бы говорить ему о своей любви до последнего его вздоха.

В день, когда я перестал рыдать, я понял, что переродился. Отныне каждому встречному я говорил о своей любви. Первым, кто выслушал мои признания, был мой приятель Мойша. Он побагровел:

– Зачем ты говоришь мне такие глупости?!

– Я не говорю глупости. Я говорю, что люблю тебя.

– Но такого не говорят!

– Почему же?

– Иисус! Не валяй дурака!

«Идиот, дурак, кретин» – каждый вечер я возвращался домой, обогатившись знанием новых оскорблений. Мать пыталась объяснить мне, что некий неписанный закон требует скрывать свои чувства.

– Какой?

– Целомудрие.

– Но, мама, время уходит, вдруг я не успею сказать людям о том, что люблю их: они ведь могут умереть, не так ли?

Она тихо плакала каждый раз, когда я говорил это, гладила меня по голове, желая успокоить мою растревоженную душу.

– Малыш мой, Иисус, – говорила она, – нельзя проявлять чрезмерную любовь. Иначе тебе придется сильно страдать.

– Но я не страдаю. Я в бешенстве.

Каждый день приносил новую пищу для моего гнева.

И у гнева моего были женские имена: Юдифь, Рахиль...

Наша соседка, восемнадцатилетняя Юдифь, полюбила сирийца, а когда он попросил ее руки, родители девушки отказали ему: их дочь не выйдет замуж за иноверца. Они заперли Юдифь в доме. Через неделю Юдифь повесилась.

Рахиль силой выдали замуж за богатого скотовода, мужчину, намного старше ее, пузатого, обросшего волосами, красномордого здоровяка, нетерпимого ревнивца, любителя пускать в ход кулаки. Однажды он увидел ее в объятиях юного пастуха. Вся деревня осудила ее за измену. Она умирала два часа под градом камней, которыми ее осыпали селяне. Целых два часа. Сотни камней терзали нежную двадцатилетнюю плоть. Рахиль. Два часа страданий. Вот как закон Израиля защищает противоестественный брак.

У всех этих преступлений было одно имя: закон.

А у закона был творец – Бог.

Я решил, что перестану любить Бога.

Я винил Бога во всех глупостях и во всех извращениях человека; я стремился к миру справедливому и любвеобильному. Сама Вселенная явилась для меня доказательством бездарности и лени Бога. Я выступал против Него с утра до вечера.

Мир возмущал меня. Я ждал, что он будет прекрасным, как страница Священного Писания, гармоничным, как молитвенное песнопение. Я ждал от мироздающего Бога чудес мастерства, добросовестности и тщания. Мне был нужен Бог, сеющий справедливость и любовь. Но Бог принес мне разочарование.

– Ты пугаешь меня, Иисус. Что же с тобой делать?

И раввин поглаживал бороду.

Что со мной делать? Когда я сталкивался со злом, гнев душил меня. Из всех чувств больше всего в первой половине жизни меня, несомненно, терзал гнев, неприятие несправедливости, нежелание мириться с косным окружением. Я отвергал действительность, я алкал идеала. Что делать со мной?

Я вновь открыл мастерскую отца, чтобы не объедать братьев и сестер. Я строгал и скреплял доски, мастерил сундуки, двери, стропила, столы; у меня получалось хуже, чем у отца, но я не опасался соперников, поскольку был единственным плотником в округе.

Мастерская, по словам матери, стала храмом плача. При малейшей беде обитатели деревни приходили поделиться со мной своими трудностями. Я в полном молчании проводил долгие часы, обратившись в слух, а в конце их исповеди говорил несколько слов утешения. Люди оставляли мне бремя своих страданий, а уносили мои плохо обструганные доски.

Но они не знали, что беседы эти были благодетельны не только для них, но и для меня. Их откровения умирляли мой гнев. Пытаясь увлечь назареев в мир покоя и любви, я сам попал

туда. Мой бунт угасал перед необходимостью жить, помогать жить другим. Я решил, что Бога можно сотворить.

В это время римляне обосновались в Галилее, и я узнал, что я – еврей. Еврей. Чтобы осознать это, понадобилось сносить свою еврейскую суть как оскорбление. В Назарете римляне остановились, только чтобы напиться воды, но вели себя нагло и злобно, как все, кто считает себя высшими существами, рожденными править прочими людьми. Из соседних деревень до нас доходили слухи об их подвигах: о множестве убитых селян, об изнасилованных девушках, о разграбленных домах. Словно по воле рока наш народ всегда подвергался нашествиям, его покоряли, он находился под чужой пятой. Израиль хорошо помнит о своих несчастиях и бедах, и я, когда выдавались особо грустные вечера, говорил себе, что, не будь у Израиля веры, у него не осталось бы ничего, кроме горестных воспоминаний. Когда римляне мечом и огнем унизили Галилею, я стал истинным евреем. Иными словами, начал ждать. Ждать Спасителя. Римляне унижали нас, римляне унижали нашу веру. И противостоять унижениям и позору помогала лишь надежда на Мессию.

Галилея кишела мессиями. Не проходило и полугода, чтобы не объявился новый. И всегда «спаситель» являлся грязным, исхудалым, с приросшим к позвоночнику животом, с глазами, устремленными в одну точку. Даже суетливые стрекозы умолкали при появлении этих краснобаев. Их никогда не принимали всерьез, но все же слушали, как говорила моя мать, «на всякий случай».

– Если вдруг случится что?

– Если вдруг его слова окажутся правдой.

И неизбежно такой «спаситель» вещал о конце света и мраке, который переживут лишь праведники, о ночи, которая избавит нас от всех римлян. Надо признать, что при неустанных наших трудах иногда было приятно остановиться и послушать пламенные речи этих ясновидцев. Безумные их пророчества поражали и пугали нас, но ненадолго. Этот страх ни к чему не обязывал, а потому был нашим любимым развлечением. Некоторые из «мессий» умели заставить слушателей рыдать. Таких любили больше. Но чаще они не пробуждали в нас никаких чувств. Эти люди сочиняли и рассказывали истории, а евреи обожают истории.

Мать печально глядела на сделанную моими руками кособокую мебель.

– Не очень у тебя выходит, Иисус.

– Я стараюсь.

– При всем старании безногий не перепрыгнет через стену.

Меня ранила ее жалость. Я считал, что судьбой мне предназначено делать то, что делал мой отец. Я оставил надежду стать раввином. Конечно, я проводил долгие послеобеденные часы в молитвах и чтении, но делал это в одиночестве, в неурочное время, постоянно споря с самим собой. Многие назареяне считали меня вероотступником: по субботам я разжигал огонь, я ухаживал за больным братишкой или больной сестричкой. Совсем одряхлевший раввин Исаак был обеспокоен моими поступками, но запрещал другим выказывать чрезмерное раздражение.

– Иисус намного набожнее, чем кажется, дайте ему время понять то, что вы уже поняли.

Но со мной он был намного строже:

– Знаешь ли ты, что людей побивали камнями за то, что ты делаешь?

Вера, задыхающаяся в строгих рамках закона, рождала мертвое слово.

– Когда же ты женишься, Иисус? Погляди на Мойшу, Рама и Кеседа: у них у всех уже есть дети. И твои братья уже сделали меня бабушкой. Чего ты ждешь? – спрашивала мать.

Я ничего не ждал и даже не думал о женитьбе.

– Иисус, поторопись. Пришло время остепениться.

«Остепениться!» Она тоже верила в мое будущее примерного семьянина! Как и все остальные в деревне, мать считала, что меня влекло к женщинам!

Назаретский обольститель... Из-за того что меня видели подолгу прогуливающимся с той или другой девушкой, все решили, что у меня множество любовных связей. И должен признать, что я любил бывать в компании женщин, а они с удовольствием общались со мной. Но мы не прятались в кустах или на чердаках, чтобы теснее прижаться друг к другу, мы разговаривали. Мы не делали ничего предосудительного. Мы разговаривали. Женщины правдивее, искреннее мужчин: слетающие с их уст слова идут от сердца.

Мойша всегда усмехался, встречая меня:

– Никогда не поверю, что вы не делаете ничего эдакого!

– И все же поверь. Мы говорим о жизни, о наших грехах.

– Да, да... Когда мужчина говорит женщине о своих грехах, то обычно ради того, чтобы добавить к ним еще один.

Мать проявляла все большее беспокойство:

– Когда ты женишься? Не окончишь же ты дни старым холостяком? Ты что, не хочешь иметь детей?

Я действительно не хотел иметь детей, я не считал себя готовым к отцовству, я по-прежнему ощущал себя сыном. Как я смогу протянуть руку ребенку? И куда его поведу? И что ему скажу?

Но родственники продолжали настаивать: почему ты не женишься?

Тогда-то и появилась Ревекка.

Улыбка Ревекки рассклала пространство и вонзилась мне в душу, парализовав, залив щеки краской, высушив язык во рту. Она овладела мною мгновенно. Я стал ее добычей. Чем она очаровала меня? Своей иссиня-черной косой? Белой кожей, нежной, как лепесток вьюна? Спокойными зелено-желтыми глазами, манящими, словно прохладные тенистые кущи в жаркий полдень? Танцующей походкой? Стройным и гибким телом, которое играло со мной в прятки, то выглядывая из-под туники, то исчезая? Мне стало ясно: Ревекка была женщиной из женщин, все они воплотились в ней, но она превосходила их всех, она была единственной.

Мне даже не пришлось ухаживать за ней. За меня говорили глаза... Мы полюбили друг друга, лишь обменявшись взглядами.

Наши семьи быстро подметили нашу страсть и поощряли нас. Ревекка была не из Назарета. Она жила в Наине, в семье богатых оружейников. Моя мать пролила слезу радости, когда увидела, что я потратил свои сбережения на покупку золотой брошки: наконец у ее сына появились обычные желания.

Однажды вечером я решил объясниться Ревекке в любви.

Я повел ее в харчевню на берегу реки. Там под липами на прохладной террасе, освещенной масляными лампами, влюбленных ждали уставленные яствами столы.

Догадываясь о моих намерениях, Ревекка нарядилась ярче обычного. Драгоценные подвески обрамляли ее лицо, словно крохотные светильники, предназначенные озарять ее и только ее.

– Подайте, пожалуйста!

Старик и ребенок в лохмотьях тянули к нам грязные мозолистые ладони:

– Подайте, пожалуйста!

Я вздохнул. На сердце у меня стало горько.

– Придите попозже, – сухо сказала Ревекка.

Старик и ребенок с почтительным поклоном отошли в сторону.

Наш стол начали накрывать. Угощение было прекрасно, рыба и мясо, украшенные зеленью, радовали глаз.

Старик и ребенок сидели на берегу реки и с завистью смотрели, как мы пируем. Старика гнали все присутствующие, но он запомнил слова Ревекки, велевшей подойти позже. Он в

нетерпении ждал знака, чтобы приблизиться. Его слезящиеся глаза жгли меня, и мне было трудно не смотреть в его сторону.

Ревекка пила вино и словно купалась в счастье. Она смеялась каждому моему слову. А я, поддавшись этому любовному опьянению, считал, что мы отныне стали центром мира, что еще никогда на земле не было столь юной, столь пылкой, столь прекрасной пары.

Когда подали сладости, я подарил Ревекке брошь. Очаровала ли ее драгоценность или мой поступок? Из ее глаз потекли слезы.

– Я безмерно счастлива, – чуть слышно произнесла она.

Расплакался и я. Заливаясь слезами, мы слились в страстном объятии.

– Подайте, пожалуйста.

Голодные старик и ребенок вернулись и снова тянули к нам руки. Ревекка зло вскрикнула и позвала хозяина. Она была возмущена тем, что нельзя спокойно поужинать. Я не осмелился противоречить ей. В это мгновение я мечтал только о Ревекке и желал сжимать в объятиях ее прекрасное тело.

Хозяин харчевни, размахивая тряпкой, прогнал старика с ребенком.

Ревекка улыбнулась мне.

Голодные старик и ребенок растаяли в ночи.

Я посмотрел на тарелки, полные недоеденных яств, глянул на золотую брошь, подаренную Ревекке, подумал о нашем счастье и будто окаменел.

На землю спускалась холодная ночь.

– Я провожу тебя.

На следующее утро я разорвал помолвку.

Все осуждали меня. Но я никому ничего не объяснил, не уступил даже мольбам матери. А тем более мольбам Ревекки.

В тот вечер на берегу реки в любовном восторге, который толкал нас друг к другу, я понял, как глубоко себялюбиво счастье. Счастье обособляет, загоняет в замкнутое помещение, заставляет закрыть ставни, забыть о других, возводит непреодолимые стены. Счастливый видит мир в ложном свете, и в этот вечер счастье показалось мне невыносимым.

Счастью я предпочел любовь. Но не ту любовь, которую испытывал к Ревекке, любовь могучую и требовательную. Я больше не хотел любви единоличной, я желал любви вселенской. Я должен был сохранить любовь к несчастному старику и голодному ребенку. Я должен был одарить любовью тех, кто не был столь красив, столь умен, столь весел, чтобы привлекать к себе людей. Я должен был полюбить нелюбимых.

Я не был создан для счастья. А не будучи создан для счастья, не был создан и для женщин. Ревекка невольно преподала мне урок. Через полгода она вышла замуж за красивого земледельца из Наина, став ему верной, любящей женой.

– Бедный мальчик, как можно быть таким умным и делать такие глупости? – повторяла моя мать. – Я совсем не понимаю тебя.

– Мама, я не создан для обычной жизни.

– А для чего ты создан, боже, для чего? Если бы отец твой был с нами... Чего ты хочешь?

– Не знаю. Ничего серьезного не произошло. Мне не суждено вступить в брак.

– И какова же твоя судьба, бедный мой мальчик? Какова она? Если бы твой отец был с нами...

Был бы я в этом саду, надеясь на смерть и страшась ее, останься в живых отец? Решился бы я?

Продолжая заниматься плотницким делом, я стал в Назарете своего рода мудрецом, к которому втайне от раввина приходили за советом растерявшиеся люди. Я помогал односельчанам выбираться из тяжелых ситуаций.

Друг моего детства Мойша потерял старшего сына. В нашей деревне редко видели мужчину, оплакивающего своего ребенка, ибо отцы, сознавая непрочность человеческой жизни, старались не очень привязываться к своим малолетним отпрыскам.

Потрясенный Мойша укрылся в моей мастерской.

– Почему он умер? Ему было всего семь лет.

Бедный Мойша, зажмуривший глаза в попытке сдержать слезы, мой маленький Мойша, страдавший так, словно волосы на его голове обратились в иглы и пронзили череп. Он не мог смириться с этой смертью, он бунтовал:

– Почему он умер? Такой юный? Он даже не согрешил, не успел. Это несправедливо.

Несправедливость... Его разум страдал: он хотел понять, но был не в силах осознать произошедшее.

– Почему Бог забрал его? Может ли существовать Бог, убивающий детей?

Я с нежностью успокаивал Мойшу:

– Не пытайся понять непонятное. Чтобы выжить в этом мире, надо отказаться от понимания того, что выше тебя. Нет, смерть не несправедлива, поскольку ты не знаешь, что такое смерть. Тебе известно только то, что она лишила тебя сына. Но где он? Что он чувствует? Не надо возмущаться: успокойся, перестань рассуждать, надейся. Ты не знаешь и никогда не постигнешь Промысла Божия. Ты знаешь только то, что Бог любит нас.

– Это – несправедливая любовь.

– А что такое справедливость? Разве она одинакова для всех? Бог наделяет нас всех в равной степени жизнью, а потом смертью. Все остальное зависит от людей и обстоятельств.

Я не смог его убедить. Он больше не хотел верить в Бога. Боль заглушила его веру. Перед лицом зла его вера отступала. Он ежедневно возвращался ко мне в мастерскую, плакал, возмущался, иногда раздражался, видя мое спокойствие.

– Но почему же ты столь безмятежен? А ведь ты плакал, когда умер твой отец. О чем ты тогда думал?

– Когда ушел папа, я сказал себе, что нельзя терять ни единого часа, чтобы любить тех, кого я люблю. Я не мог отложить это чувство на завтра. Нет, Мойша, я страдаю перед лицом зла, но страдание не может быть поводом для ненависти, оно – повод для любви.

Он поднял на меня глаза. Похоже, он наконец услышал меня. И я продолжил:

– Твой старший сын умер? Полюби его еще больше. Полюби всех остальных, тех, кто у тебя остался, скажи им о своей любви. И поспеши. Единственное, чему нас учит смерть: спешите любить.

С этого дня Мойша перестал плакать. Конечно, он не перестал сожалеть о покойном, но он обратил свою боль в привязанность. Ничто не изгладит печали. Но мужественное сердце обращает печаль во благо.

Прошло несколько лет. Мне казалось, что я наконец обрел свое место в жизни. Моя мебель и мои рамы не стали лучше, но советы мои стали мудрее. Я нес мир в души односельчан.

В это время под тяжестью лет изнемог и угас старый раввин Исаак, и Иерусалимский Храм прислал нам нового раввина, Наума, большого знатока Священного Писания. Через несколько недель он понял, что в деревне слушают не только его. Выяснив, о чем я веду речи, он разъярился и примчался в мою мастерскую.

– Кто ты такой, чтобы считать себя вправе толковать Священное Писание! Кто ты такой, чтобы давать советы другим? Ты посещал школу раввинов? Изучал ли ты Священное Писание, как изучаем его мы?

– Но советы даю не я, их рождает свет моих молитв.

– Как ты осмеливаешься богохульствовать? Ты умеешь только стругать доски, а собираешься стать поводырем для других. Ты не можешь изъяснить Священное Писание, а тем более

говорить от имени Бога! Храм осуждает нечестивцев вроде тебя. В Иерусалиме тебя бы уже давно забили камнями!

Наум напугал меня.

Два дня я держал мастерскую закрытой, а сам отправлялся в дальние одинокие прогулки.

Наум, несомненно, был прав: незаметно, не отдавая себе отчета, я стал духовным наставником жителей деревни, нравоучительствуя, примиряя, гася справедливый гнев, вещая от имени Бога... Я завоевал эту власть так незаметно, что даже не успел задуматься об исключительной сложности подобного труда, и молодой раввин справедливо упрекнул меня в грехе ослепления и гордыни!

Быть побитым камнями! Наум был прав. Моя несхожесть с другими, мое противостояние Храму могли закончиться смертью под градом камней. Он угрожал мне. И я отступил.

Ему было неизвестно, что я возжелаю смерти и что римляне принесли в Иерусалим пытку распятием. И завтра мне предстоит умирать на скрещенных досках.

– Тебе известно, что все только и говорят о твоём двоюродном брате Иоанне?

Глаза матери блестели.

– О котором?

– О сыне Елисеветы, нашей родственницы, ты же знаешь... Говорят, он наделен пророческим даром.

Ее слова меня не взволновали. Я истощил все свое любопытство по отношению к лжепророкам и лжемессиям. Я пытался найти в жизни собственное место. И молодой раввин вновь поставил передо мной вопрос выбора.

Но мать не отступала. Был ли то религиозный порыв или семейная гордость? Она только и говорила об этом двоюродном брате.

– Иоанн обосновался на берегу Иордана и смывает грехи людей, которые приходят к нему, окуная их с головой в воду. Поэтому его везде называют Иоанном Смывающим грехи.

Я вновь открыл мастерскую. Однако никто не осмеливался теперь приходиться ко мне даже за досками. Наум запугал всех.

Но мало-помалу люди стали встречаться со мной тайно. Они хотели, как и прежде, говорить со мной. Мы собирались на закате далеко от деревни, около озера. Там мы обретали покой в фиолетовых волнах сумерек. Душа моя в пламенной молитве возносилась к усыпанному звездами небу и внимала умиротворяющему безмолвию Бога.

Наум узнал об этих вечерах и вновь с яростью обрушился на меня.

Он был прав.

Разве не стал я воплощением тщеславия? Разве правильно было утверждать, что истиной владею я, а не Священное Писание? Можно ли доверять только себе? Я нуждался в очищении, я нуждался в помощи, в поводе, даже в учителе. Мне надо было встретиться с Иоанном, чтобы очиститься от грехов.

Я отправился в путь вдоль извилистого русла Иордана.

С каждым шагом дорога все больше заполнялась паломниками, поток людей тек быстрее, чем река. Они шли отовсюду – из Дамаска, из Вавилона, из Иерусалима и из Идумеи.

В ущельях нижнего течения Иордана стихийно возник лагерь: стояли палатки, горели костры, здесь собирались целые семьи, сотни мужчин и женщин.

Иоанн Смывающий грехи стоял по колени в воде, расставив ноги. Его силуэт вырисовывался на фоне скал, теснивших реку.

Длинные вереницы паломников спокойно и безмолвно тянулись вдоль берега. Над водами раздавались лишь хриплые крики каких-то птиц.

Иоанн был воплощением пророка: худой, бородатый, с взъерошенными волосами, в грязной одежде из верблюжьей шерсти. Вокруг него с жужжанием роились полчища мух, привлеченных ужасным зловонием. Его огромные глаза смущали своей неподвижностью. Его грубость выглядела такой вызывающей, что отдавала бахвальством. Я почувствовал себя униженным, я видел пародию на все то, к чему стремился, жалкое подобие моих самых высоких устремлений.

Я внимательно оглядел толпу паломников, пришедших очиститься до наступления вечера. Удивительно, но там были не только евреи, но и римляне, сирийские наемники, иными словами, люди, никогда не читавшие Тору, ничего не знавшие о нашем Священном Писании. Что они искали здесь? Какие блага мог им пообещать Смывающий грехи, коли их не давала собственная религия?

Я приблизился к двум паломникам, ожидавшим на берегу своей очереди.

– Я пошел, – сказал толстяк.

– А я не пойду, – ответил тощий. – И вообще не понимаю, почему должен очищаться от грехов, я во всем соблюдаю наш закон.

– Несчастные! Колодези самомнения и грязи!

До нас донесся громopodobный голос Иоанна Смывающего грехи. У него, должно быть, был очень тонкий слух, ибо, несомненно, он расслышал разговор паломников, несмотря на шум речной воды. Иоанн вопил, обращаясь к тощему:

– Порождения ехидны! Древа бесплодные! Считаешь себя праведным, потому что придерживаешься пустых предписаний закона. Недостаточно мыть руки перед каждой едой и соблюдать субботу, чтобы охранить себя от греха. Только покайся сердцем, ты можешь добиться прощения своего греха.

Эти речи укололи меня, словно жало слепня. Разве не так мыслил и я долгие годы, оставаясь в полном одиночестве?

Иоанн Смывающий грехи продолжал кричать, и его длинное худое тело сотрясалось от ярости. Чувствовалось, что он обладал неистощимыми запасами гнева, и гнев его усиливался от ощущения греховности окружающих. Мне сразу стало ясно, что пророком Иоанн не был, но человеком прямодушным, несомненно, был.

Худой паломник не ожидал такого потока ядовитой брани и смущенно глядел на толстяка, не зная, как поступить.

– Подойди! – прокричал Иоанн.

Человек ступил в воду и сделал несколько шагов.

– Нагим! Нагим, как ты вышел из чрева своей матери!

Худой, сам не зная почему, подчинился, сбросил одежды и подошел к Иоанну голым, как новорожденный.

Иоанн возложил громадную ладонь на его череп. Он впился в глаза худого, словно взглядом забивал в него гвоздь.

– Покайся в грехах! Возжелай добра. Возжелай прощения. Иначе...

Что двигало мужчиной – страх, покорность? Но показалось, что он сердечно покался, и Иоанн решительно окунул его в реку. Он продержал его голову под водой достаточно долго и отпустил, лишь когда на поверхности появились пузыри, потом вытащил задыхающегося грешника на воздух.

– Иди. Ты прощен.

Едва не захлебнувшийся человек, покачиваясь, выбрался на берег. Оказавшись на суше, он рухнул на землю, уткнулся лбом в колени и зарыдал.

Толстяк бросился утешать его, но худой поднял голову и прошептал:

– Спасибо, Господи, спасибо... Спасибо за отпущение моих грехов. Я действительно был нечист.

Сумеречное небо стало фиолетовым. Иоанн Смывающий грехи удалился в свою пещеру, где проводил ночи. Позже в лагере, когда мы сидели вокруг костра, мне сказали, что он пил только воду и не ел ничего, кроме акрид и дикого меда. Я восхищался силой его духа, ибо ощущал, что не могу обойтись без мяса, хлеба и вина.

– Почему такой святой человек, как он, облачен в одежду из верблюжьей шерсти? – воскликнул один паломник. – Верблюд – животное нечистое, как свинья или кролик! Это противоречит закону!

Я видел, что даже самые ярые его поклонники, казалось, не понимали главного послания Иоанна: «Сердце очищается соблюдением не буквы закона, но духа его». Тогда же я познакомился с Андреем и Симоном, юными учениками Иоанна. Мы долго говорили об учителе, о его учении, шедшем вразрез с Храмом, что делало Иоанна весьма уязвимым. Мы сравнивали его с кумранскими монахами, с ессеями, ведь те тоже очищали от грехов.

Утром я устроился у самой воды на камне, откуда мог наблюдать за Иоанном, оставаясь невидимым для него.

Вначале он потребовал, чтобы от грехов очистились чужеземцы.

– Подходите, римляне. А вы, евреи, слушайте и постарайтесь извлечь урок. Быть евреем вовсе не означает, что вы обязательно будете спасены. Не ограничивайтесь повторением «отец у нас Авраам». Ибо Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму.

Пятеро римских солдат приблизились к нему.

– Что мы должны делать?

– Никого не обижайте, не клеветайте. Довольствуйтесь своим жалованьем.

Потом он принял мытарей.

– Не требуйте более определенного вам.

Потом сказал богатым горожанам:

– У кого две рубахи, тот дай неимущему. У кого есть пища, делай то же.

Когда солнце стояло в зените, появились соглядатаи из Иерусалима. Храм послал жрецов и левитов, чтобы разузнать об Иоанне.

– Кто ты?

– Меня называют Иоанн Смывающий грехи.

– Говорят, что ты воскресший пророк Илия.

– Так говорят. Но я никогда этого не говорил.

– Некоторые говорят, что ты – Мессия, провозглашенный Священным Писанием.

– Я – не Мессия, а тот, кто возвещает о нем. Я глас вопиющего в пустыне: «Исправьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему».

– Значит, ты не утверждаешь, что ты Мессия?

– Я недостойн даже понести обувь его. Когда он явится, справедливость восторжествует и отмщение свершится. Он провеет зерно на току: пшеницу свою соберет в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым.

– Но если ты не Мессия и не Илия, почему ты погружаешь тела в воду? Кто дал тебе право смывать наши грехи?

– Я – предтеча Христа. Идущий за мной стоит среди вас. Тот, у которого я недостойн развязать ремень обуви.

Люди на берегу переглянулись: каждый спросил себя, следовало ли истолковать слова Иоанна как пророчество, ведь они означали, что Мессия уже находится на берегу Иордана.

– Я лишь расчищаю дорогу царю, расчищаю путь покаяния. Но он здесь, он, сын Бога, возвешенный пророком Даниилом.

На берегу никто не шелохнулся и не двинулся вперед, и все решили, что это просто красивые речи. А я содрогнулся: мне на мгновение показалось, что, несмотря на расстояние, Иоанн Смывающий грехи устремил свой пронзительный взгляд на меня.

Успокоенные его словами, посланцы Храма ушли в Иерусалим, этот Иоанн был очередным безопасным провидцем. Пока он будет стоять в своем болоте и погружать паломников в воду, он не станет оспаривать власть у сильных мира сего.

День стал клониться к вечеру, и я решительно ступил в воду, чтобы Иоанн очистил меня от грехов. Видя, что я иду к нему, Иоанн нахмурил брови:

– Я тебя знаю.

– Я – твой двоюродный брат, сын Марии, родственницы твоей матери Елисеветы. Я пришел из Назарета.

Он еще сильнее нахмурился, словно не понимал меня. Я медленно повторил:

– Ты узнаешь меня, потому что я твой двоюродный брат.

– Я узнаю тебя как избранника Бога.

Его удивили собственные слова. Он глядел на меня, явно испытывая смущение. И вдруг закричал, чтобы каждый мог расслышать:

– Вот – Агнец Божий, который берет на себя грехи мира!

Он прокричал эти слова с непрекращаемой убежденностью. Я чувствовал, что толпа на берегу застыла в неподвижности, наблюдая за этой сценой. Взгляды людей впились в меня. Я не знал, что сказать и что сделать. И быстро прошептал:

– Омой меня, и покончим с этим.

Но Иоанн возмущенно воскликнул:

– Скорее тебе надобно омыть меня! Я призывал тебя всей душой, и ты явился. Радость моя исполнилась.

Это было выше моих сил. Ноги мои подкосились, я пошатнулся, и Иоанн на руках вынес меня на берег. Там за мною принялись ухаживать Андрей и Симон, пытаюсь отогнать толпу, жаждущую узнать, кто я такой. Женщины говорили, что в момент, когда я потерял сознание, с неба спустился голубь и крылом осенил мое чело.

Я этого не видел.

Обряд, совершенный Иоанном, открыл мне врата в иную жизнь...

Прекрасная и безучастная синяя ночь. Невероятное безмолвие.

Ожидание опустошает меня. Я предпочел бы говорить, сражаться, действовать... А вместо этого поворачиваю голову, вслушиваясь в малейший шум, надеясь уловить бряцание оружия. Нет, я не спешу умирать, но хочу, чтобы окончилось ожидание. Лучше смерть, чем агония. Почему медлят солдаты? Так ли долго идти от Храма до Масличной горы...

У лис есть норы, у птиц – гнезда, а мне негде преклонить голову.

Когда я очнулся, Андрей и Симон засыпали меня вопросами. Кто я? Что делаю здесь? Почему Иоанн объявил меня Помазанником? Почему я притворялся простым паломником? Могут ли они последовать за мной и посвятить мне свою жизнь?

– Я – никто. Я не понимаю, что сказал Иоанн. Я всего лишь плохой плотник из Назарета, и нерадивый прихожанин к тому же.

– Ты родился в Назарете?

– Нет. На самом деле я родился в Вифлееме, но это долгая история...

– Так было записано, Михей возвестил: «Помазанник явится из Вифлеема».

– Вы ошибаетесь.

– Ты – потомок Давида?

– Нет.

- Ты уверен в этом?
- Не знаю... Старая семейная легенда гласит... что... Помилуйте, есть ли хоть одна семья в Палестине, которая бы не возводила свою родословную к Давиду?
- Итак, это ты: Помазанник – из колена Давидова.
- Вы всё переиначили!
- Чему ты нас будешь учить?
- Ничему. Совершенно ничему.
- Ты считаешь, что мы недостойны тебя?
- Я этого не говорил.

Оставалось сделать одно – удалиться.

Я должен был бежать от пустой болтовни, я не желал подвергаться какому-либо давлению. Тридцать лет все, кроме меня, имели собственное мнение о моей судьбе. Погребенный под грузом советов, заблудившийся среди сотни дорог, набожный для одних и безбожник для других, признанный, отвергнутый, гонимый, удерживаемый, обожаемый, оскорбленный, оболганный, почитаемый, выслушиваемый, презираемый, я перестал быть человеком, а превратился в пустую харчевню на перекрестке множества дорог, куда каждый являлся со своим характером, своим жизненным опытом и своими убеждениями. Я стал эхом чужих голосов.

И я бежал.

Я укрылся среди невозделанных земель, где не было людей, где растительность дика и бедна, где редки источники воды. Я ушел туда, где не опасался с кем-либо встретиться.

В пустыне я желал встречи лишь с самим собой. Я надеялся понять себя среди полнейшего безлюдия. Я должен был узнать, кто я.

Вначале поиски казались бесплодными. Я испытывал раздражение, усталость, голод, страх перед завтрашним днем... Но уже через несколько дней волнения, омрачившие последние недели, улеглись, привычная сдержанность вернулась ко мне, я вновь превратился в ребенка из Назарета, окунулся в чистое ожидание жизни, обрел любовь к каждому мгновению, восхищение перед всем сущим. Боль ушла, но явилось разочарование. Неужели человеку не достичь совершенства? Неужели он навсегда остается ребенком, а зрелость – лишь маска? Неужели, срывая лохмотья взрослого человека, обращаешься в дитя? Неужели годы добавляют лишь волосы, бороду, заботы, ссоры, искушения, шрамы, усталость, похоть, и ничего больше?

И тогда свершилось мое падение.

Падение, опрокинувшее всю мою жизнь. Кто толкнул меня?

Ибо я падал, не двигаясь с места.

Я сидел на вершине высокого лысого холма. И мог видеть вокруг себя лишь бескрайнее пространство. Единственным движением, которое я ощущал, было течение времени. Я погрузился в умиротворяющее бездействие. Я положил ладони на колени и вдруг, даже не шелкнувшись, начал падать...

Я падал...

Я падал...

Я падал...

Я обрушился внутрь самого себя. Разве мог я предполагать, что существуют такие крутые обрывы, головокружительные пропасти, глубины внутри человеческого тела? Я летел в пустоту.

И чем быстрее я падал, тем громче кричал. Но скорость гасила мой крик.

Потом я ощутил, что полет замедлился. Я становился невесомым, сливаясь с воздухом. И сам становился воздухом.

Падение почти прекратилось. Оно делало меня все легче. И я воспарил.

Преображение медленно завершилось.

Я не узнавал себя. Я не чувствовал своего тела. Я продолжал мыслить, но я перестал говорить «я».

Я окунулся в океан света.

Тут было тепло.

Тут я понимал все.

Тут я познал всю полноту веры.

Я спустился в кузницу жизни, в центр, в очаг, туда, где все соединяется, образуя единое целое. Внутри себя я нашел не себя, а нечто большее, чем я, более значимое, чем я, море кипящей лавы, бесконечную и постоянно меняющуюся первопричину, в которой не различал ни слова, ни голоса, ни речей, а был охвачен новым ощущением, ужасающим, необъятным, единым и неистощимым. В меня вселилось чувство всеобщей справедливости.

Сухой шорох лапок бегущей ящерицы вернул меня к действительности. В одно мгновение я всплыл после бесконечного падения и был вырван из сердца Земли.

Сколько времени пролетело?

Мирная ночная прохлада обвивала меня, даруя отдых выжженному песку, жаждущим травам, словно вознаграждая их за дневное пекло.

Я блаженствовал. Я уже не ощущал ни жажды, ни голода. Недоумения перестали терзать меня. Я ощущал, что насытился духовно.

Я не нашел себя в глубине пустыни. Нет. Я обрел Бога.

И с того дня я ежедневно совершал это путешествие внутри самого себя. Я карабкался на скалу и нырял в глубины своего существа. Я желал разгадать тайну.

И каждый раз я попадал в океан неземного света, бросался в его объятия и проводил в этих объятиях бесчисленное количество часов.

Я вспоминал, что когда-то смутно улавливал этот свет, когда молился ребенком, или подмечал его в чьем-то взгляде, а теперь знал, что свет этот держит и объединяет мир, но никогда не думал, что он достижим. Во мне вмещалось больше, чем просто я. Во мне вмещалось нечто целое, отличное от меня, но мне не чуждое. Во мне скрывалось нечто большее, но единосущное мне, непознаваемый источник знаний, непостижимый ключ к разгадкам бытия, начало моей жизни. Во мне был Отец, чьим Сыном я являюсь.

На тридцать девятый день пребывания в пустыне я решил вернуться к людям. Я обрел больше, чем надеялся обрести. Но когда подходил к прохладной, укрытой тенью реке Иордан, увидел на земле мертвую змею. Пасть ее была открыта, змея уже разлагалась, привлекая к себе полчища муравьев, но ее желтые мертвые глаза словно лучились ядовитой насмешкой.

Меня вдруг поразила страшная мысль: а если меня искушал дьявол? А если я все тридцать девять дней витал среди грез, порожденных Сатаной? А если переполнявшая меня сила исходила от лукавого?

Мне следовало провести в пустыне сороковую ночь.

И это была ночь, когда опрокинулись все мои воззрения. То, что казалось мне ясным, вдруг затягивалось туманом. Там, где раньше я видел добро, теперь я подмечал зло. Когда мне казалось, что я осознаю свой долг, в мою душу закрадывалось подозрение в собственном тщеславии, высокомерии, губительной гордыне! Как я мог поверить, что связан с Богом? Не была ли эта вера безумием? Откуда во мне могло возникнуть понимание праведного и неправедного? Не было ли новое знание иллюзией? Как я мог присвоить себе право говорить от имени Бога? Не было ли это притязанием на верховную власть? Не встану ли я, выйдя из пустыни, на путь обмана, увлекая за собой других в пучину постоянной лжи?

Я не получил ответа на свои вопросы. Но утром сорокового дня я наконец примирился с самим собой.

Я преодолел все сомнения и поверил: мои ошибки, тяжкие размышления вели меня к Богу, а не к Сатане. Я поверил: мне предстоит совершить нечто благое. Я поверил в себя.

Я тогда не знал, что последующие, еще более невероятные события заставят меня превозмочь еще бóльшие искушения и этой ночью, в этом саду принудят меня ждать и даже желать собственной смерти.

Поначалу меня не мучили никакие предчувствия. Я присоединился к паломникам на берегу Иордана, ощущая законное право говорить о мудрости, обретенной мною в таинстве молитв.

В лагере меня ждали Андрей и Симон.

Когда я появился перед ними, Симон улыбнулся и воскликнул, словно проверяя меня:

– Кто ты?

– А как ты думаешь?

– Ты посланец Бога?

– Ты сказал это.

Нам было достаточно этих слов. Мы обнялись, потом Иоанн Смывающий грехи еще раз назвал меня Агнцем Божиим. Он попросил Андрея и Симона, своих любимых учеников, расстаться с ним и последовать за мной, ибо верил в меня. Я знал, что ступаю на неведомый путь, и ступил на него без малейших колебаний.

Те времена были исполнены надежд и восторга. Меня опьяняли тайны, которые Бог доверил мне в часы размышлений, и я старался ежедневно передавать их другим. Я радовался, что сумел их познать, но еще не подозревал о последствиях.

Мы с Андреем и Симоном шли по зеленой, свежей, плодородной Галилее. Мы не заботились о завтрашнем дне, спали под открытым небом, питались тем, что срывала наша рука с деревьев, или тем, что протягивали нам руки людей. Бог помог нам обрести безмятежность.

Дабы разрешить возникающие недоумения, я укрывался за скалой или деревом и погружался в обретенный мною колодезь откровения. И всегда возвращался если не с дарованным ответом, то с предчувствием его снисхождения.

Я заглянул в игральные карты мира сего. И увидел игру изнутри. Люди играли плохо: надеясь на выигрыш, они использовали крапленые карты. Силу. Власть. Деньги. Я любил лишь исключенных из их глупой игры, неприспособленных, тех, кого игра выбрасывала прочь: обездоленных, безответных, увечных, женщин, изгоев.

Избрав идеалом бедность, я стал братом бедняков. Они не пытались отречься от своей нищей жизни. Нет, они любили жизнь и беззаветно препоручали ей себя. Ибо знали, всегда найдется прохожий, который даст монету или кусок хлеба. В доверии к жизни проявлялась их вера в Бога. Андрей, Симон и я стали бродягами-бедняками: получали милостыню, а лишнее тут же раздавали нуждающимся. Ибо считали, что нам принадлежит только то, что удовлетворяет наши потребности. Остальное было роскошью; мы не имели на него никакого права.

В нашем преображении было столько радости, что мы привлекали на свою сторону новых молодых людей, и наш круг расширялся. Некоторые юноши возмущались тем, что я обращаюсь к женщинам напрямую и желаю, чтобы они сопровождали нас. Ибо, спускаясь в колодезь любви, я обнаружил, что богодухновенные добродетели были добродетелями женскими. В голосе Отца Небесного я слышал материнскую нежность. Он указывал мне на безымянных героинь, на тех, в ком Он воплощался, на всех дарительниц жизни, дарительниц любви, на тех, кто омывает плоть ребенка, утешает его, наполняет голодные рты, на вечных прислужниц, создающих уют и чистоту, на верных подруг, на смиренных, на воительниц быта, на цариц заботливости, императриц нежности, врачевательниц наших ран и гонительниц огорчений. Мужчины охраняют врата общества, которое порождает смерть и множит ненависть. Женщины охраняют врата природы, которая творит жизнь и требует любви. Но мои ученики, истинные самцы земли Израилевой, с трудом соглашались с тем, что женщины без принужде-

ния и раздумий делают то, что требует от мужчин тяжелых трудов. Ученики терпели присутствие наших многочисленных спутниц, но не доверяли им. Возможно, они просто опасались своего вождения.

Наблюдая за властью имущими, что делят людей на полезных и бесполезных, я обнаружил, что сильные мира сего обладают способностью унижить человека. Когда мытарь терзал семью должников, он крушил и топтал своих жертв. Я лишен такой способности. Стоя лицом к лицу с человеком, я вижу в нем только человека; я не могу смотреть на него, не ощущая всех тягот его жизни, его высказанных или невысказанных страданий, его надежд, всего, что образует, оживляет и обновляет его черты. Часто мне открывается большее. Я вижу ребенка, каким он был, и старика, каким он станет, всю его изменчивую и хрупкую жизнь.

Ничто не может сравниться с невинной радостью первых месяцев скитаний. Мы расчищаем путь. Мы изобретаем новый образ жизни. Мы уничтожаем недоверие и наглость. Мы можем только давать или принимать. Мы свободны. Мы направляемся в открытое море.

В глазах всемогущих все мы ничтожны. Они не докучают нам, ибо с нами можно не церемониться. Они ошибаются: в одиночку мы можем лишь прятаться от мира; объединившись, мы сможем его преобразить.

Мы продолжали бродить по дорогам в поисках богатств, которые нельзя купить за деньги, и наши странствия привели нас в Назарет.

Я с радостью встретился с матерью, но отказался останавливаться в родном доме. Я продолжал жить под открытым небом среди друзей, питаюсь добродетельными подаяниями назареев и беседаю с каждым.

Мать и братья призвали меня в дом. Младший из братьев, Иаков, был в ярости.

– Иисус, ты позоришь нас! Ты покинул отцовскую мастерскую, не предупредив никого, чтобы стать странствующим раввином. Но ты спишь под открытым небом, ты побираешься в собственной деревне, где все тебя знают, где живем мы, где мы работаем. Что подумают о нас? Образумься!

– Я не буду менять свою жизнь.

– Если ты больше не можешь работать, то, по крайней мере, можешь есть и спать дома, не так ли?

– А мои друзья?

– Вот-вот, поговорим о твоих друзьях. Скопище бродяг, бездельников, бездарей и падших женщин! Таких здесь никогда не было. Лучше будет, если они уйдут.

– С ними уйду и я.

– Ты хочешь окончательно нас унижить?

Брат мой дал мне пощечину. Он сам поразился своей гневной вспышке, и вдруг на лице разъяренного взрослого человека я увидел волнение ребенка, который набедакурил, а теперь спрашивает себя, какого наказания ждать от старшего.

Я подошел ближе и сказал:

– Ударь и по левой щеке.

Его ноздри затрепетали от ярости. Я бросил ему вызов, и он готовился нанести удар, когда я подставил ему левую щеку, показывая, что готов стерпеть его гнев.

Он издал яростный вопль, сжал кулаки и выбежал из комнаты. Остальные родичи приняли поносить меня, словно, подставив вторую щеку, я нанес оскорбление брату, ударившему меня.

А я просто применил на деле знание, почерпнутое в погружении в бездонный колодезь: возлюби другого во всей его глупости и слабости. Ответить насилием на насилие, вырвать око за око, зуб за зуб – значит лишь умножить зло, хуже того, возвести зло в закон. Ответить любовью на насилие – значит погасить насилие и поставить перед носом насильника зеркало,

отражающее его ненавидящее, перекошенное, уродливое лицо. Брат мой увидел свое лицо и бежал, устыдившись.

– Замолчите все и оставьте меня наедине с Иисусом.

Они подчинились и оставили меня с матерью. Она бросилась мне на шею и долго плакала. Я нежно обнимал ее, зная, что слезы зачастую предвещают откровения.

– Иисус, мой Иисус, я ходила слушать тебя, и меня охватило беспокойство. Я перестала понимать тебя. Ты постоянно говоришь о своем отце, о его наставлениях, но ты ведь так мало знал его.

– Мама, Отец, о котором я говорю, есть Бог. Я спрашиваю Его совета, когда уединяюсь для размышлений.

– Но почему ты говоришь «мой отец»?

– Потому что Он мой Отец, как и твой. Он Отец всех нас.

– Ты говоришь общими словами. Ты даешь общие советы. Ты утверждаешь, что надо любить всех, но ты-то любишь свою мать?

– Совсем нетрудно любить любящих тебя людей.

– Ответь.

– Да. Я люблю тебя, мама. И сестер, и братьев. Но еще больше надо любить тех, кто нас не любит. Даже врагов.

– Тогда наберись сил, поскольку врагов у тебя будет множество! Ты понимаешь, куда идешь? Какую жизнь уготовил себе?

– Моя жизнь меня не тревожит. Я не хочу жить ради себя и умирать ради себя.

– Как! У тебя нет своей мечты?

– Никакой. Я только свидетельствую. Я сообщаю другим то, что нахожу в своих размышлениях.

– Другие! Другие! Подумай вначале о себе! Ты приводишь в отчаяние свою мать. Я хочу, чтобы тебе удалась твоя собственная жизнь!

– Мама, моя жизнь принадлежит Отцу.

Она снова заплакала. Но то были слезы не отчаяния, но примирения.

– Ты безумен, Иисус.

– Какую же судьбу мне выбрать? Прославиться благим безумием или дурным плотничеством? Я предпочитаю быть благим безумцем.

Она рассмеялась сквозь рыдания. Страдания матери надломили мои силы. И я поспешил покинуть Назарет.

Невзгоды начались с моими первыми чудесными исцелениями.

Я не знал, какие из дел моей жизни сохранит будущее, но не хотел, чтобы распространился слух, который уже мешает мне, путается под ногами: мне не нужна слава колдуна.

Вначале я не осознавал своих чудотворений. Взгляд, слово могут лечить. Об этом известно всем, и я не первый целитель, появившийся на земле Палестины. Врачевание требует времени, усилия воли, требует всецело посвятить себя страждущему. Иногда даже впитать в себя его боль. Любой может научиться исцелять, и мне пришлось овладеть этим искусством. Да, я касался ран, да, я выдерживал полный боли взгляд. Да, я проводил ночи у ложа умирающих. Я садился рядом с увечными и пытался руками передать им часть силы, что кипит внутри меня; я разговаривал с ними, я пытался отыскать выход их страданиям и призывал их молиться, искать колодезь любви в себе самом. Те, кому это удавалось, чувствовали себя лучше. Другие терпели неудачу. Конечно, я видел вставших паралитиков, прозревших слепцов, пошедших хромых, переставших гнить прокаженных, излечившихся от кровотечений женщин, заговоривших немых, очистившихся от демонов безумцев. Именно они остались в памяти. Но были забыты те, кто остался прикованным к ложу, ибо ни я, ни они не сумели победить недуги. У

меня нет никакой силы, кроме той, что помогает распахнуть дверь, ведущую к Богу в душе каждого человека. И даже эту дверь я не в силах распахнуть в одиночку, мне требуется помощь.

Я был вынужден спрашивать каждого больного:

– У тебя есть вера? Спасает только вера.

Вскоре все перестали обращать внимание на мой вопрос. В нем видели лишь формальность. Ко мне бросались, как коровы на водопой, ослепленные жаждой.

– Вы лечите от чесотки?

– А от облысения?

– А женские болезни?

Мне задавали медицинские вопросы, словно торговцу лекарствами: а у вас есть такое-то снадобье? Я отвечал:

– У тебя есть вера? Спасает только вера.

Тщетно. Меня превращали в кудесника. Мне не удавалось им объяснить, что чудеса многотрудны, что в них заложен духовный смысл, что они требуют двойной веры, веры больного и веры целителя. Мне посылали бездельников, неверующих, но, даже при неудаче с девятью болящими, десятый раздувал мою славу до невиданных размеров.

Я не хотел заниматься целительством. Я запретил ученикам приводить ко мне больных. Но как устоять перед истинным страданием? Когда хилый ребенок или бесплодная женщина лили передо мной слезы, я все же пытался им помочь.

Недоразумения множились. Я ни с чем не мог справиться. Мне приписывали все новые чудеса. Кто-то видел, как я умножал хлеба в порожних корзинах, наполнял вином пустые кувшины, загонял рыб в сети. Все это случилось, я сам тому свидетель, но не по естественным ли причинам? Не раз я подозревал в мистификации даже своих учеников... Ослепленные страстью, они были склонны, как и все евреи, к преувеличениям; но они приукрашивали, даже рассказывая об обычных делах. Не они ли заговорили первыми обо всех этих чудесах? Не сами ли наполнили кувшины вином? Не приписали ли мне счастливое появление косяка рыб в Тивериадском озере? Я не могу доказать, но подозреваю их. Однако в чем их упрекать? Они – простые люди, рабы земных забот, они восхищены мною, они обожают меня и должны защищаться от наших противников, оправдываться перед своими семьями. Они читают нашу историю глазами своей страсти. Они хотят убеждать, а когда кто-то хочет убеждать, истинная вера и обман идут рука об руку. К некоторым истинам в моих речах они добавляют мелкую ложь: почему бы не воспользоваться ложью, когда не действует правда? Разве важно, что одно чудо подлинное, а другое вымышленное! Виноваты легковверные, те, кто хочет быть обманутыми.

Наша жизнь изменилась. Когда нас не преследовали несчастные, страждущие чуда, нас изводили фарисеи, жрецы и учителя закона, считавшие, что отныне меня слышит слишком много ушей. Священники отторгали мою привычку уходить в глубины души, чтобы встретиться там с моим Отцом, источником животворящей любви. Они верили лишь в писанные законы и подмечали все, что мне диктовала моя вера, вера, восставшая против формального соблюдения обычаев. Несколько раз я исцелял в субботу, я ел в субботу, я работал в субботу. Эка важность! Суббота создана для человека, а не человек для субботы. Я оправдывал себя и оправдывал своих близких, но усилия мои пропадали втуне: я говорил только о любви, а плодил тысячи врагов.

– Как ты осмеливаешься говорить от имени Бога?

Новая мысль вначале кажется ложной. Фарисеи отказывались понимать меня. Они обвиняли меня в тщеславии.

– Как ты осмеливаешься говорить от имени Бога?

– Бог в моем сердце.

– Богохульство! Бог живет отдельно от нас, Бог един и недостижим. Тебя от Бога отделяют пропасти.

– Уверяю вас, нет. Достаточно углубиться в себя самого, как в колодезь, и...

– Святотатство!

Они следили за мной, гнали меня. Их свора неслась по следу моих сандалий. Они хулили меня, хотели вернуть меня к слову Писания. Я не хотел раздражать их, бросать им вызов, но не мог замалчивать истину.

После путешествия в Иерусалим на Пасху они больше не оставляли меня в покое. Они ежедневно расставляли мне новые сети. Большую часть ловушек я обходил благодаря знанию текстов. Но однажды утром фарисеи загнали меня в тупик.

– Шлюха! Потаскуха! Блудница!

Они приволокли ко мне женщину, совершившую прелюбодеяние. Они тащили ее полуголую за руки, не обращая внимания на ее страх и стыд, даже не замечая ее слез. Они тащили ее для ярмарочного развлечения, чтобы узнать, смогу ли я выйти из затруднительного положения.

Я попал в западню. Закон Израиля категоричен: невест, повинных в измене, надо побивать камнями, тем более это касается жен, уличенных в супружеской неверности. Фарисеи и учителя закона схватили ее на месте преступления, дав самцу удрать, а теперь собирались забить несчастную камнями на моих глазах. Они знали, что я не потерплю насилия. Им было важнее уличить меня в богоотступничестве, чем ее в измене. Грех блуда их не тревожил.

Дрожащая, жалкая жертва, красавица в разодранных одеждах и с растрепанными волосами, стояла между нами, помертвев от страха.

Я присел на корточки и принялся рисовать на песке. Мое странное поведение обескуражило фарисеев, а мне дало несколько мгновений на размышления. Затем свора вновь завопила:

– Прикончим ее! Побьем ее камнями! Слышишь, назарянин! Мы прикончим ее на твоих глазах!

Странная сцена: они угрожали мне, а не ей. Они угрожали мне ее смертью.

Я продолжал рисовать. Я дал им выблевать свою ненависть, опустошить запасы злобы; я расчищал поле битвы. Но когда они решили, что я не собираюсь вмешиваться, я выпрямился и спокойно сказал:

– Кто из вас без греха, первый брось в нее камень.

Мы стояли около Храма.

Я в упор смотрел на каждого по очереди, во взгляде моем не было любви, мои глаза горели яростью, потрясшей их жестокие сердца. Я задавал безмолвный вопрос:

– Ты, ты никогда не грешил? Я видел тебя на той неделе в харчевне! А ты, как ты смеешь притворяться безгрешным, когда я видел, как ты хватал за грудь водоноску! А ты, ты считаешь, что я не знаю, какой проступок ты совершил позавчера?

Старики отступились первыми. Они бросили камни на землю и отвернулись.

Но молодые, слишком жаждавшие крови, не желали прислушаться к своей совести.

И я насмешливо посмотрел на них. Моя улыбка угрожала им обличением. Глаза мои говорили:

– Я знаю всех распутников Иудеи и Галилеи: вы не можете разыгрывать праведников передо мной. У меня все имена. Я знаю всё. И могу вас изобличить.

Молодые, в свою очередь, опустили глаза. И отступили.

Но один сражался со мной. Он упрямо противостоял моему взгляду. Он был самым юным, ему должно было быть не более восемнадцати лет. Неужели в пылу мальчишеской самоуверенности он считал, что ни разу не согрешил? Он стоял, вытянувшись в струнку, уверенный в себе, в том, что уполномочен законом убить эту женщину.

Я взглянул на него по-иному. Я не бросал ему вызов, я не угрожал ему. Я тихо спросил его:

– Ты уверен, что ни разу не согрешил? Я люблю тебя, даже если ты согрешил.

Он вздрогнул. Удивленно заморгал. Он ожидал всего, но не любви.

Друзья потянули его за рукав. Они шептали:

– Не смейся людей! Ты же не станешь утверждать, что ни разу не согрешил!

Он был сломлен и позволил себя увести.

Я остался наедине с дрожащей женщиной.

Она по-прежнему испытывала страх, но теперь предчувствие смерти сменилось страхом неведомого, возможно худшего наказания.

Я улыбкой успокоил ее:

– Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?

– Никто, Господи!

– И я не осуждаю тебя. Иди. И впредь не греши.

Я снова ухитрился одержать победу над фарисеями.

Но я устал от этих ловушек. Ученики радовались моим успехам. Я отвечал им, что успех есть не что иное, как недоразумение, а количество наших врагов множилось быстрее количества друзей. Мы решили укрыться в Галилее.

Изнеможение пожирало меня: я устал наставлять упрямец, я устал говорить с глухими, я устал оттого, что речи мои плодили глухих.

Именно тогда все более важную роль в моей жизни стал играть Иуда Искариот.

В отличие от прочих учеников, Иуда происходил из Иудеи, а не из Галилеи. Он был образованнее других, умел читать и считать. Вскоре он стал нашим казначеем и раздавал излишки милостыни беднякам, которые встречались нам в пути. Он выделялся среди бывших рыбаков Тивериады хорошими манерами и городским выговором. Сей уроженец Иерусалима вносил в нашу группу немалое своеобразие. Я любил беседовать с ним, и вскоре он стал моим любимым учеником.

Думаю, я ни к одному человеку не был привязан больше, чем к Иуде. С ним, и только с ним я говорил о своем общении с Богом.

– Он всегда рядом. Очень близко.

– Но Он здесь только ради тебя и в тебе. А мы, мы Его не видим.

– Надо только не оставлять попыток, Иуда.

– Я пытаюсь. Я пытаюсь каждый день. Но не обнаруживаю в себе бездонного колодезя. И не нуждаюсь в этом, поскольку живу рядом с тобой.

Он убеждал меня в том, что я поддерживаю с Богом иные отношения, не такие, как прочие люди. Я не был раввином, ибо не находил света в священных текстах. Я не был пророком, ибо только свидетельствовал, но ничего не предвещал. Я только использовал свои погружения в колодезь света, чтобы постигнуть суть мироздания.

– Не прикрывай лица, Иисус. Ты прекрасно знаешь, что все это значит. Иоанн Смывающий грехи сказал о тебе: «Я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий».

– Я запрещаю тебе, Иуда, повторять речи Иоанна. Я – сын человека, а не Бога.

– А почему ты говоришь «мой Отец»?

– Не притворяйся, что не понимаешь.

– Почему ты говоришь, что находишь Его в глубине себя?

– Не играй словами. Будь я Мессией, я чувствовал бы себя всемогущим.

– У тебя есть сила, и ты отмечен пророческими знаками, но отказываешься видеть их.

– Замолчи! Замолчи раз и навсегда.

Не думаю, что он был виновен в том, что слух так быстро распространялся. Не сомневаюсь, что он разрастался сам собой, поскольку евреи, как всякий народ, судят о всех вещах в зависимости от своих желаний и ожиданий. Слух полнился, множился, приобретал невероятные размеры, пронесся над крышами Галилеи быстрее, чем весенний град: Иисус из Назарета был Мессией, о котором возвещали священные тексты.

Я уже не мог появиться перед народом, чтобы меня не спросили:

- Ты Сын Бога?
- Кто тебе это сказал?
- Ответ. Ты действительно Мессия?
- Это говоришь ты.

У меня не было иного ответа. Я никогда не утверждал обратного. Я ни разу не осмелился сказать, что я и есть Христос. Я мог говорить о Боге, о Его свете, о свете, горевшем в моей душе. Но не более. А остальные бессовестно дополняли мои речи. Они преувеличивали. Те, кто меня любил, ради восхваления. Те, кто меня ненавидел, чтобы ускорить мою гибель.

– Иуда, умоляю тебя: постарайся пресекать такие разговоры. Во мне нет ничего необычного, кроме того, чем меня наделил Господь.

– Именно об этом и говорят: о том, чем наделил тебя Бог. Он избрал тебя. Он отличил тебя.

И Иуда целыми ночами черпал поддержку в пророчествах. Он отыскивал в событиях моей жизни воплощение предсказаний пророков Иеремии, Иезекииля или Илии. Я протестовал:

– Неубедительно! В погоне за сходством ты можешь обнаружить подобие между любым человеком и Мессией!

Он очень хорошо знал Писание. Иногда ему удавалось поколебать меня. Но я по-прежнему сопротивлялся. Я не доверял не только ученикам, но и своему дару исцелений. Ученики, и первым среди них Иуда, видели в них второе после пророчеств доказательство, что я и есть Помазанник.

Ярость лишила меня покоя. Радость и восторг возвращения из пустыни покинули меня. Ясное утро сменилось мрачной ночью. Друзья и враги множили мои речи, мою силу и мои дары.

Именно тогда меня вызвал к себе Ирод, правитель Галилеи. Он принял меня в своем дворце, показал все свои богатства, представил придворным, а потом уединился со мной, чтобы поговорить без свидетелей.

- Иоанн Смывающий грехи говорит, что ты Мессия.
- Так говорит он.
- Я считаю Иоанна истинным пророком. И склонен ему верить.
- Верь в то, во что тебе хочется верить.

Ирод ликовал. Он слышал в моих ответах лишь подтверждение слухов.

– Ирод, я не смею назваться Мессией. Я люблю людей, я рад быть им полезным, но мне придется продолжить жизнь в одиночестве.

– Несчастный! Не уходи от мира, подобно отшельнику или философу. Что ты выиграешь? Половина Палестины уже готова следовать за тобой. Надо подхватывать идеи народа, если хочешь им управлять. Человечеством повелевают с помощью его собственных иллюзий. Цезарь прекрасно знал, что род его происходит не от Венеры, но, заставив остальных поверить в это, он стал Цезарем.

– Твои рассуждения отвратительны, Ирод. Я не хочу становиться ни Цезарем, ни царем Израиля и никем другим. Я не хочу повелевать.

- Не важно, Иисус. Позволь нам это делать за тебя!

Покидая дворец, я лишь укрепился в своем решении. Я удалюсь от людей. Я откажусь от всего. Я завершу свой жизненный путь в пустыне. Я брошу все. Осталось распустить учеников по домам.

К несчастью, мы пришли в Наин, и будущее мое вновь сокрылось от меня.

В Наине, что к югу от Назарета, я бывал не единожды со времен моего детства. Когда мы с учениками подошли к поселению, нам встретилась похоронная процессия. Хоронили мальчика по имени Амос.

Его мать Ревекка, Ревекка моей юности, Ревекка, которую я любил и которую едва не взял в жены, отрешенно шла впереди, словно ее приговорили к пожизненному заточению. Несколько лет назад она овдовела. Амос был ее единственным сыном, с ним она потеряла все. Когда ее огромные глаза устремились на меня, я не увидел в них ни горечи, ни гнева, ни возмущения. Они, казалось, говорили, что я избрал легчайшую ношу – нести бремя не семейных, а общечеловеческих забот, страдать за всех, а не за отдельного человека.

Я ощутил и жалость, и собственную вину. Стань я ее спутником жизни, быть может, Ревекке не пришлось бы познать многих утрат?

Я попросил носильщиков гроба остановиться и показать мне ребенка. Я подошел, сжал руки Амоса и погрузился в молитву, самую отчаянную молитву в своей жизни.

– Отец мой, сделай так, чтобы он не умер. Одари его правом на жизнь. Верни счастье его матери.

Я нырнул в молитву, я не искал моей воли, но воли пославшего меня Отца.

Пальцы ребенка вцепились в мои руки, и малыш медленно сел.

Радостные крики раздались вокруг меня, обе процессии слились в едином порыве счастья: и мои ученики, и еще несколько мгновений назад погруженные в траур селяне. Только мы трое стояли онемев, вопрошая себя, что же произошло, не осмеливаясь поверить в случившееся: Ревекка, ребенок и я.

В тот же вечер к Амосу вернулся дар речи. Они явились ко мне вместе, Ревекка и ее сын, и осыпали меня поцелуями. А я замкнулся в молчании, ибо недоумевал.

В полночь, когда я сидел под оливковым деревом, ко мне подошел Иуда.

– Иисус, когда ты перестанешь отрицать очевидное? Ты его воскресил.

– Я в этом не уверен, Иуда. Ты, как и я, знаешь, как трудно распознать смерть. Сколько людей похоронили заживо? Наверное, поэтому мы часто оставляем наших покойников в пещерах. Быть может, ребенок вовсе не был мертв? А просто крепко уснул?

– Веришь ли ты сам в то, что мать могла ошибиться и отнести своего заснувшего ребенка на кладбище?

Я снова замолчал. Я не хотел произносить больше ни слова, ибо, открой я уста, с моего языка, вместо благодарности Отцу моему за исполнение молитвы, посыпались бы мольбы избавить меня от власти воскрешать! Нет! Я не хотел, чтобы Он таким образом выделял меня среди других, ибо знал, к чему обязывает меня избранничество. Меня тяготила такая судьба! У меня было ощущение, что я сражаюсь с Богом. Он побеждал меня. Он меня обезоруживал. Он отнимал у меня сомнения. Чтобы стать Божьим посланцем, нужно было покориться. Но я знал, что Он ничего не добьется без моего согласия. Я был наделен свободной волей. Я мог отвергнуть Его знаки. Я мог уйти от прозрения, остаться в смутном мире своих вопросов. Я бунтовал и терзался всю ночь.

Утро очистило небо, прокричал петух, и я заснул от измождения.

Когда я открыл глаза, то понял, что Бог не гневается на Своего Сына.

Я позвал Иуду, своего любимого ученика. Я знал, что не смогу преподнести ему лучшего подарка, чем те слова, которые собирался произнести.

– Иуда, я не знал, кто я есть на самом деле. Но всегда знал, что во мне живет нечто большее, чем я. Я также знаю, что любвеобилие Бога есть знак возлагаемых на меня надежд. И тебе, Иуда, я говорю: я заключил договор с самим собой. И договор скреплен кровью моего сердца. Я именно тот, кого ждет весь Израиль. Теперь я уверен, что я действительно Сын Бога.

Иуда бросился на землю, обхватил мои лодыжки и долго держал их. Я чувствовал, как меж пальцев моих ног текут его горячие слезы.

Бедный Иуда! Он, как и я, испытывал непомерную радость. Ни он, ни я не знали, к какой ночи приведет нас это утро, каких жертв потребует от нас эта сделка.

Сегодня вечером в саду вокруг меня рыщет смерть. Оливковые деревья стали серыми, как земля. Сверчки предаются любви под снисходительным взглядом свахи-луны. Мне хотелось бы стать одним из двух голубых кедров, чьи ветви по ночам служат пристанищем для голубок, а днем накрывают тенью небольшие шумные базары. Как они, я хотел бы обзавестись корнями, отрешиться от забот и рассыпать семена счастья.

Вместо этого я сею семена раздумий, восхода и созревания которых мне не суждено увидеть. Я поджидаю когорту, идущую арестовать меня. Отец мой, дай мне силы в этом саду, равнодушном к моей тоске, одари меня мужеством исполнить до конца то, что я счел своим долгом...

В дни, последовавшие за моей тайной сделкой с самим собой, Ирод арестовал Иоанна Смывающего грехи и заключил его в крепость Махеру. Иродиада, новая сожительница правителя, требовала головы пророка, обличавшего ее распутство.

Духовные чада праведника пребывали в страхе и недоумении, и, дабы укрепить их веру, Иоанн прислал ко мне двоих учеников.

– Ты ли тот, которому должно прийти, или другого ожидать нам?

Я знал, что ученики Иоанна сомневаются во мне. Они удивлялись, что я разделяю с людьми их простые радости; они упрекали меня, что я сытно ем и утоляю жажду вместе со своими учениками, ведь учитель их Иоанн был аскетом. Они не понимали, почему я медлю объявить себя царем Израилевым.

Я ответил посланцам:

– Пойдите скажите, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромы ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют. И блажен, кто не соблазнится обо мне.

Впервые я заявил, что готов принять свою судьбу. Вскоре Иоанна обезглавили.

Ученики мои неистовствовали:

– Возьми власть, Иисус! Не позволяй, чтобы казнили праведных! Пора основать собственное царство, мы последуем за тобой, вся Галилея последует за тобой. Иначе и тебе отрубят голову, как Иоанну Смывающему грехи, если не обойдутся с тобой еще хуже!

Я слушал их возмущенные речи безучастно. Чем больше я размышлял, тем яснее сознавал, что не должен занимать чужого места, требовать себе земного трона. Я не повелевал людьми, я был пастырем их душ. Да, я хотел изменить мир, но не так, как меня к этому подталкивали. Я не стану возглавлять народный мятеж, не встану во главе бедняков, слабых, отверженных, женщин, чтобы приступом взять Палестину, опрокинув существующую власть, отбирая почести и богатства. Это могли сделать другие, вдохновившись моим примером. Я же призывал к преобразованию духовному. У меня не было намерения завоевывать внешний мир, мир Цезаря, мир Пилата, мир дельцов и торговцев.

– Земля была отдана людям, во что они ее превратили? Вернем ее Богу. Устраним вражду сословий и рас, ненависть, злоупотребления, угнетение, почести, лихоимства. Обрушим лестницы, которые возносят одних людей выше других. Презрим деньги, которые создают богатых и бедных, властителей и подчиненных, деньги, которые плодят зависть, скупость, неуверенность в себе, войны, жестокость, деньги, которые возводят стены между людьми. Расправимся со всем этим в своей душе, уничтожим дурные мысли, ложные ценности. Никакой трон, никакой скипетр, никакое копьё не может очистить нас и открыть для истинной любви. Врата в мое царство находятся в каждом из нас, это – идеал, мечта, ностальгия. Каждый лелеет чистые помыслы в своем сердце. Кто не ощущает себя сыном Небесного Отца? Кто не хотел бы при-

знать в каждом человеке брата? Мое царство, чаемое и обетованное, уже существует, оно в надеждах и мечтах. Порыв любви постоянен, он горит, как пламя, но пламя это робкое, слабое, его пытаются задуть. Я говорю только ради того, чтобы внушить вам мужество стать самими собой, смелость любить. Бог, хоть и снисходит к нашим немощам, требует постоянного совершенствования и победы над робостью.

Галилеяне слушали меня с разинутыми ртами, ибо они слушают ртами; в их уши ничего не влетает. Мои слова отскакивали от черепа к черепу, но не проникали внутрь. Они ценили только творимые мною чудеса.

Мне пришлось принять строгие меры, я запретил ученикам подпускать ко мне хворых. Но ничто не могло остановить потока больных: их вталкивали через окна, протискивали через крышу. На Тивериадском озере мне пришлось отойти от берега на лодке, дабы избежать прикосновений и стенаний толпы. Тщетно. Все терпели мои наставления из снисходительности, словно поедали закуски, разжигая аппетит перед появлением главного блюда – чуда.

Но я покорно исполнял свой горький долг. От меня ждали только деяний, выстаивая многочасовые очереди, им нужна была моя печать, мое клеймо, а именно исполнение какого-либо мелкого чуда. И тогда они, здоровые зрители или излеченные больные, уходили, покачивая головами, удовлетворенные тем, что видели все собственными глазами.

– Да, да, он действительно Сын Бога.

Они ничего не улавливали из моих речей, не запоминали ни слова из сказанного. Они просто нашли удобного заступника, всегда готового облегчить им жизнь.

– Как повезло, что он живет рядом с нами, в Галилее!

Мои братья и мать однажды пробрались через толпу, которая собралась в деревне, где мы остановились. Я знал, что братья гневались на меня, считая тщеславным безумцем. Они неоднократно присылали мне послания с требованием прекратить исполнять роль Христа. Поскольку я им не отвечал, они пришли, чтобы призвать меня на семейный совет.

Любопытные окружили постоялый двор, где мы укрылись, я и мои ученики.

– Дайте нам пройти, – кричали мои братья, – мы его родственники! У нас право быть первыми. Дайте нам пройти. Мы должны поговорить с ним.

Толпа пропустила их.

Но я преградил им путь. Я знал, что причину им боль, но не мог действовать иначе.

– Кто моя истинная семья? Моя семья определяется не по крови, а по духу. Кто мои братья? Кто мои сестры? Кто моя мать? Кто будет исполнять волю Отца моего Небесного, тот мне брат, и сестра, и мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.